

М. В. Михайлова

"Господин из Сан-Франциско": судьба мира и цивилизации

Публикуется с разрешения автора

Ранняя публикация здесь <http://www.portal-slovo.ru/philology/37264.php>.

Наверное, первое, что бросается в глаза при чтении этого произведения Бунина - библейские ассоциации. Почему именно "из Сан-Франциско"? Разве мало в Америке городов, где мог родиться и прожить свою жизнь господин пятидесяти восьми лет, отправившийся путешествовать по Европе, а до этого работавший "не покладая рук" (в этом определении у Бунина проскальзывает еле заметная ирония: что это был за "труд" хорошо знали китайцы, "которых он выписывал к себе на работы целыми тысячами"; современный автор написал бы не о работе, а об "эксплуатации", но Бунин - тонкий стилист - предпочитает, чтобы читатель сам догадался о характере этого "труда"!)). Не потому ли, что город назван так в честь известного католического святого Франциска Ассизского, проповедовавшего крайнюю бедность, аскетизм, отказ от любой собственности? Не становится ли таким образом очевиднее по контрасту с его бедностью неумное желание безымянного господина (следовательно, одного из многих) наслаждаться всем в жизни, причем наслаждаться агрессивно, упорно, в полной уверенности, что он имеет полное на это право! Как замечает писатель, господина из Сан-Франциско постоянно сопровождала "толпа тех, на обязанности которых лежало достойно принять" его. И "так было всюду ..." И господин из Сан-Франциско твердо убежден, что так должно было быть всегда.

Только уже в самой последней редакции, незадолго до смерти, Бунин снял многозначительный эпиграф, ранее всегда открывавший этот рассказ: "Горе тебе, Вавилон, город крепкий". Снял, возможно, потому, что эти слова, взятые из Апокалипсиса, показались ему слишком откровенно выражающими его отношение к описанному. Но он оставил название парохода, на котором плывет американский богач с женой и дочерью в Европу, - "Атлантида", как бы желая лишний раз напомнить читателям об обреченности существования, основным наполнением которого стала страсть к получению удовольствий. И по мере того, как возникает подробное описание ежедневного распорядка дня путешествующих на этом корабле - "вставали рано, при трубных звуках, резко раздававшихся по коридорам еще в тот сумрачный час, когда так медленно и неприветливо светало над серо-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся в тумане; накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао; затем садились в ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до одиннадцати часов полагалось бодро гулять по палубе, дыша холодной свежестью океана, или играть в шепфльборд и другие игры для нового возбуждения аппетита, а в одиннадцать - подкрепляться бутербродами с бульоном; подкрепившись, с удовольствием читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще более питательного и разнообразного, чем первый; следующие два часа посвящались отдыху; все палубы были заставлены тогда длинными камышовыми креслами, на которых путешественники лежали, укрывшись пледами, глядя на облачное небо и на пенистые бугры, мелькавшие за бортом, или сладко задремывая; в пятом часу их, освеженных и повеселевших, поили крепким душистым чаем с печеньями; в семь повешали трубными сигналами о том, что составляло главнейшую цель этого существования, венец его ..." - нарастает ощущение, что перед нами описание Валтасарова пир. Это ощущение тем более реально, что "венцом" каждого дня действительно являлся роскошный обед-пир, после которого начинались танцы, флирт и другие радости жизни.

И возникает чувство, что как и на пиру, устроенном, согласно библейскому преданию, последним вавилонским царем Валтасаром накануне взятия города Вавилона персами, на стене таинственной рукой будут начертаны непонятные слова, таящие скрытую угрозу: "МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН". Тогда, в Вавилоне, их смог расшифровать только иудейский мудрец Даниил, который объяснил, что они содержат предсказание гибели города и раздел вавилонского царства между завоевателями. Так вскоре и случилось. У Бунина же это грозное предостережение присутствует в виде несмолкающего грохота океана, вздымающего свои громадные валы за бортом парохода, снежной вьюги, кружащейся над ним, мрака, охватывающего все пространство вокруг, воя сирены, которая поминутно "взвывала с адской мрачностью и взвизгивала с неистовой злобой". Так же страшны и "живое чудовище" - исполинский вал в чреве парохода, дающий ему движение, и "адские топки" его преисподней, в раскаленном зеве которых клопочут неведомые силы, и потные грязные люди, с отсветами багрового пламени на лицах. Но как пирующие в Вавилоне не видят этих грозных слов, так и обитатели судна не слышат этих одновременно стенающих и лязгающих звуков: их заглушают мелодии прекрасного оркестра и толстые стены кают. Как такое же тревожное предзнаменование, но обращенное уже не ко всем обитателям парохода, а к одному